

Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

(Наброски по неизданнымъ матеріаламъ).

VI. Женитьба Н. Г. Чернышевскаго ¹⁾.

1. Васильевы.

Въ Саратовѣ, на Армянской улицѣ, въ домѣ, который до 1900-хъ годовъ принадлежалъ Ростовцевымъ (теперь принадлежитъ архіерейскому дому), жило семейство доктора удѣльной конторы, Сократа Евгеньевича Васильева, болѣе извѣстнаго въ городѣ подъ именемъ Сократа.

У Васильевыхъ было три сына и три дочери ²⁾.

Отецъ семейства имѣлъ нерусскій типъ лица и очень походилъ на негра: у С. Е. были курчавые и жесткіе волосы, черные глаза съ особымъ блескомъ, который пронизываетъ и жжетъ васъ; волосы были постоянно всклокочены. Малороссъ по происхожденію, воспитанникъ Харьковскаго университета, онъ постоянно слѣдилъ за наукой.

Сократъ Евгеньевичъ считался лучшимъ саратовскимъ докторомъ-діагностомъ и пользовался въ обществѣ большимъ уваженіемъ. Его слава, какъ врача, возрасла съ тѣхъ поръ, какъ онъ вылечилъ вице-губернатора Александровскаго, страдавшаго какой-то болѣзнью, считавшейся неизлѣчимой. Особенно же извѣстности Васильева помогло леченіе извѣстнаго министра Перовскаго, путешествовавшаго по Россіи и заболѣвшаго въ Саратовѣ. Саратовцы гордились Васильевымъ. „Онъ спасъ Перовскаго“, говорили они.

¹⁾ См. „Русская Старина“ мартъ 1912 г.

²⁾ Въ др. мѣстѣ у Ф. В. Духовникова: 4 сына и 4 дочери.

Человѣкъ очень серьезный, Сократъ Евгенъевичъ любилъ своихъ дѣтей и, занятый массою дѣлъ, все-таки находилъ время, чтобы обратить вниманіе на ихъ воспитаніе.

Одинъ изъ его родственниковъ, взяточникъ и ханжа, постоянно произносившій вслухъ молитвы и изреченія изъ библіи, считалъ его чуть не дуракомъ.— „Какое богатое у тебя мѣсто“, говорилъ онъ, „а ты не хочешь заплучить деньгу на старость себѣ и дѣтямъ; богачемъ могъ бы быть“.

— „За то не подлецомъ“, искренно отвѣчалъ С. Е., и такъ поступалъ въ жизни. Однажды пришлось ему лечить милліонера, обѣщавшаго, въ случаѣ удачнаго исхода, дать за леченіе половину своего состоянія; по выздоровленіи же, милліонеръ оградился 100 рублями, но Сократъ Евгенъевичъ не былъ корыстолюбивъ, и дѣло не разгорѣлось. Вообще, онъ не умѣлъ наживать деньги.

С. Е. отличался большими странностями. Всегда торопливый и быстрый въ движеніяхъ, даже когда въ этой быстротѣ не было никакой надобности, онъ невольно заставлялъ говорить о себѣ. Его забывчивость и разсѣянность часто ставили Сократа Евгенъевича въ комическія положенія. Посѣтивши всѣхъ своихъ пациентовъ, онъ пріѣзжаетъ домой; не успѣетъ еще войти въ дверь, какъ сбрасываетъ съ себя старую поношенную одежду и, не дойдя еще до кабинета, остается въ такомъ костюмѣ, при которомъ остается только надѣть халатъ (на Васильевѣ не было уже ни жилета, ни галстука). Халатъ былъ засаленный и запачканный. Будучи очень хорошимъ докторомъ, С. Е. почти никогда не мылъ ни лица, ни рукъ; въ его кабинетѣ были постоянный беспорядокъ и грязь. Усаживается С. Е. въ кресло, закуриваетъ сигару и, наслаждаясь куреньемъ, постоянно плюетъ въ потолокъ. У своихъ пациентовъ нашъ докторъ также часто курилъ и пилъ портеръ (даже когда его дочь, А. С., выходила замужъ за Малиновскаго, С. Е. тоже сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, курия сигары, и, по обыкновенію, плевалъ въ потолокъ, а мать невѣсты сидѣла у себя въ комнатѣ).

Сократъ Евгенъевичъ былъ острякъ, хотя самъ въ разговоръ вступалъ рѣдко. Любилъ онъ, когда дѣти повторяютъ его же остроты, каковы бы онѣ ни были, даже и сальныя; за это давалъ имъ подарки: лакомства и деньги. С. Е. былъ человѣкъ непомѣрной доброты.

— „Ну, что, на Пасху ібудешь веселиться?“ обращается онъ разъ къ знакомой женщинѣ.

— „Не до веселья, баринъ: всю обокрали меня“.

Онъ далъ ей десять рублей.

Со многихъ чиновниковъ онъ не бралъ даже за визиты. Разска-

зываютъ, что одна и та же болѣзнь обходилась различно больнымъ, смотря по тому, у Васильева ли, или у другихъ докторовъ шло леченье. Онъ не имѣлъ сдѣлокъ съ аптеками, подобно другимъ докторамъ. Сравнивая леченье одной и той же болѣзни разныхъ докторовъ, приходили къ тому выводу, что леченье у Васильева обходилось разъ въ десять дешевле другихъ докторовъ. Самъ онъ жилъ безъ всякаго расчета и тратилъ деньги совершенно безцѣльно.

Его жена, Анна Кирилловна, была побочная дочь генерала Козачковскаго, героя 1812 г., женщина — образованная, воспитанная, кажется, въ институтѣ, почему и знала французскій и нѣмецкій языки и хорошо рисовала. Говорятъ, что, вышедши замужъ за Васильева, по волѣ отца, она высказывала неудовольствіе по этому поводу на своего родителя, помѣшавшаго ей составить болѣе блестящую партію. По пріѣздѣ Васильевыхъ въ Саратовъ, она нѣкоторое время показывалась въ обществѣ, но затѣмъ повела затворническую жизнь, никуда не выѣзжала и ни до чего не касалась. Болѣе всего она боялась, какъ бы не согрѣшить.

Анна Кирилловна почти постоянно сидѣла одна въ своей комнатѣ, оттуда давала и всѣ распоряженія по хозяйству, тамъ же принимала и гостей. Только иногда, въ жаркую погоду, она выходила въ садъ. Прислуга и дѣти заботились объ ея здоровьѣ и удобствахъ. Въ сильный жаръ (лѣтомъ въ Саратовѣ бываетъ до 40 градусовъ тепла) они ставили въ саду столъ съ кресломъ; отъ комнаты и до стола стлался коверъ. А. К., надѣвъ теплый капотъ и шубу, въ сопровожденіи дѣтей и прислуги, выходила въ садъ и садилась за столъ, уставленный гофманскими каплями и иными снадобьями. Иногда она, не просидѣвъ въ саду и пяти минутъ, кричала: „Ведите меня отсюда, — здѣсь сквозной вѣтеръ!“ И ее опять вводили въ комнату.

Ея заботы о дѣтяхъ ограничивались выговорами и внушеніями. По праздникамъ, по приказанію матери, дѣти поочередно читали для нея акаѳисты. Она, говоря вообще, относилась къ нимъ строго, — но зато отецъ много баловалъ. Онъ снисходилъ къ дѣтскимъ слабостямъ и предоставлялъ имъ во всемъ полную свободу. Поэтому, дѣти росли почти безъ надзора. Ихъ называли дѣтьми природы.

Если мать дѣлала имъ замѣчанія, Сократъ Евгенъевичъ говорилъ: „Мамаша, вы стараго воспитанія, поэтому, вамъ кажется многое не такъ!“ Когда мать выходила къ обѣду изъ своей комнаты (что иногда случалось), то не садилась за столъ; при ней дѣти вели себя смирно. Обычно же обѣды отличались большой беспорядочностью; въ это время шелъ невообразимый гвалтъ, шумъ, крикъ. Самъ С. Е. разливалъ и раздавалъ кушанья дѣтямъ. Какъ

малороссы, онъ особенно любилъ вареники, которые всегда были первымъ блюдомъ за обѣдомъ Васильевыхъ. Когда ихъ подадутъ, дѣти кричатъ: „Мнѣ! мнѣ, папаша!“ Сначала онъ раздаетъ спокойно, а потомъ начинаетъ просто бросать галушки на тарелки, попадаетъ на столъ... Смѣхъ, хохотъ!..

Вотъ, какъ описываетъ свои впечатлѣнія, при входѣ къ Васильевымъ, одна ихъ знакомая.

Мать „пожелала видѣть меня, чтобы отблагодарить за то, что дѣти ея у меня бывали часто. Я отправилась. Дѣти приняли меня и доложили ей о моемъ приходѣ. Черезъ нѣсколько времени открывается одна дверь, ведущая изъ залы въ гостиную, затѣмъ—другая и наконецъ, третья, ведущая въ спальню. Это—за тѣмъ, чтобы уравнивать воздухъ во всѣхъ комнатахъ, хотя комнаты были натоплены хорошо. Прошло еще четверть часа, и меня ввели къ ней на аудіенцію, которая происходила въ гостиной. Мать, Анна Кирилловна, сидѣла въ креслахъ. На ней надѣтъ былъ ваточный капотъ, шуба и салопъ; на головѣ былъ теплый платокъ, а на ногахъ—оленьи сапоги. Она встрѣтила меня очень привѣтливо. „Извините, что я просила васъ къ себѣ,—я никуда не выѣзжаю изъ дома, и потому просила васъ, чтобы отблагодарить васъ за тѣ удовольствія, которыя находятъ мои дѣти въ вашемъ домѣ“.

Затѣмъ она стала вести очень оживленный и умный разговоръ, изъ котораго я заключила объ ея недюжинномъ умѣ. Во время разговора она сначала сняла салопъ, потомъ—шубу, затѣмъ ваточный капотъ, и, наконецъ, теплый платокъ. Такъ она продѣлывала съ одеждой не только въ этотъ разъ и при мнѣ, но и всегда и кто бы ни приходилъ къ ней; говорятъ, что у ней была болѣзнь“.

Старшая дочь и первенецъ—Ольга Сократовна—пользовалась особенной любовью отца. У матери были свои любимцы: Анна, Ростиславъ, Бенедиктъ.

Когда Васильевъ служилъ еще въ Камышинѣ, Ольгу Сократовну отдали учиться въ Лѣсной Карамышъ, къ пастору Конради, у котораго было нѣчто въ родѣ пансіона. Здѣсь, въ числѣ учительницъ, была и его дочь, впослѣдствіи занявшая должность начальницы саратовскаго Маріинскаго института. Хотя, по тогдашнему времени, дѣтей воспитывали въ пансіонѣ хорошо, однако, Ольгѣ Сократовнѣ, привыкшей къ домашней свободной независимости, пансіонская жизнь не нравилась; здѣсь она чуть было не произвела цѣлой революціи въ изумленію и ужасу пастора. Конради написалъ письмо къ ея отцу и матери, чтобы О. С. взяли отъ него, при чемъ, невольно высказалъ въ письмѣ много такого, что бросало тѣнь на самый пансіонъ.

Сократъ Евгенъевичъ взялъ ее, а вмѣстѣ съ нею взяты были и другія дѣти.

Ольга Сократовна повела дома веселую и беззаботную жизнь. Окруженная постоянно мальчиками, товарищами ея младшихъ братьевъ, она держала себя мальчикомъ: бѣгала съ товарищами своихъ братьевъ, лазила по деревьямъ, по крышамъ, перелѣзала черезъ заборы; жмурки, кувырканье, бѣготня, смѣнялись поочередно. Однимъ словомъ, ее прельщали игры мальчиковъ, а не дѣвочекъ. Мальчики хорошо понимали Ольгу Сократовну. Хотя въ своихъ выраженіяхъ они и не стѣснялись при ней, но вели себя вполне прилично. Точно также и она не стѣснялась мальчиковъ: бойкая и развязная, она брала перевѣсъ надъ ними и своей удалю, и своей находчивостью, а главное—своимъ бойкимъ языкомъ. За цвѣтъ лица и ухарство ее прозвали цыганенкомъ. Впрочемъ, она не оставалась въ долгу передъ товарищами и платила имъ такими же прозвищами. Привыкнувъ еще въ дѣтствѣ быть въ обществѣ мальчиковъ, О. С., и выросши и ставши невѣстой, постоянно находилась въ мужскомъ обществѣ; нисколько не стѣснялась она мужчинами, не оставляя и своихъ прежнихъ привычекъ. Такъ держала себя она и всегда. „Я была бѣдовая дѣвочка“, говорила она потомъ. Дѣйствительно, она была необыкновенно мила, кокетлива, игрива, забавна, весела, жива и бойка, за что нѣкоторые прозвали ее гусаромъ въ юбкѣ, кошечкой.

Этими качествами она затмевала другихъ тогдашнихъ саратовскихъ красавицъ: Е. Р. Термень, К. М. Патрикѣву; Ольга Сократовна привлекала къ себѣ массу поклонниковъ и вздыхателей, которые постоянно сопровождали ее и соперничали другъ передъ другомъ. Въ обращеніи съ ними она не стѣснялась тѣми свѣтскими приличіями, которыя господствовали тогда въ обществѣ. Въ то время, когда считалось неприличнымъ для барышни выходить изъ дома одной, безъ сопровожденія старшихъ, Ольга Сократовна то и дѣло нарушала эти приличія: она ходила по городу въ сопровожденіи молодежи не только днемъ, но даже и по вечерамъ. Это большое число поклонниковъ и возбуждало недовольство тѣхъ маманекъ, дочери которыхъ нуждались въ женихахъ, отсюда масса сплетенъ про О. С. Маманьки всячески ее злословили и находили въ ней одни недостатки.

Наконецъ, Ольга Сократовна была изъ такихъ барышенъ, которыя всѣмъ говорили въ глаза правду, иногда даже нелестную и болющую; нѣкоторые говорили про нее: „Она и безъ бритвы голову обрѣветъ“.

Шалости ея выходили изъ ряду обыкновенныхъ. Разъ пришелъ

къ Васильевымъ Д. А. Калмыковъ (впослѣдствіи—сенаторъ), большой любитель музыки,—послушать игру ихъ дѣтей, а Ольга Сократовна въ это время пошла въ его квартиру, сдѣлала изъ подушки куклу и накрыла ее одѣяломъ.

Когда Сократу Евгеньевичу говорили о проказахъ его дѣтей,—онъ замѣчалъ: „я самъ такой былъ въ дѣтствѣ“.

Тетка водила О. С. въ церковь.

2. Знакомство.

Николаю Гавриловичу было 24 года ¹⁾. Бывая у своихъ родственниковъ, Чесноковыхъ и Акимовыхъ, а также и на гуляньяхъ, онъ часто встрѣчалъ *смуглянку*, какъ многіе называли Ольгу Сократовну, но не обращалъ на нее никакого вниманія: Н. Г. вообще не считалъ нужнымъ говорить съ дѣвцами, какъ пустыми и неумѣющими говорить о чемъ-либо, кромѣ нарядовъ, танцевъ и т. п. Поэтому, чуждаясь женщинъ, онъ и не зналъ ихъ.

Однажды, совершенно случайно, на гуляньи, Н. Г. услышалъ разговоръ О. С. съ однимъ молодымъ человѣкомъ, и самъ заговорилъ съ нею. Оказалось, что говорить она можетъ о многихъ предметахъ, не относящихся ни къ баламъ, ни къ танцамъ. Скоро случай свелъ ихъ для болѣе продолжительнаго разговора. Далекій родственникъ Чернышевскихъ, брандмейстеръ Акимовъ, выдавалъ свою дочь замужъ и пригласилъ Чернышевскихъ на свадьбу. Занятый постоянно дѣлами, Гавриилъ Ивановичъ и болѣзненная Евгения Егоровна не хотѣли принимать участія въ свадебномъ пиру, но Н. Г. никакъ не могъ отговориться.

Встрѣчаясь тамъ много разъ съ О. С., познакомившись и поговоривъ съ нею, онъ увидѣлъ, что Васильева—барышня очень дѣльная: ее и сравнить нельзя съ другими барышнями. Такъ Ольга Сократовна завладѣла сердцемъ Н. Г. Онъ составилъ о ней представленіе, какъ о дѣвушкѣ, выходящей изъ ряда другихъ и своимъ умомъ, и отступленіями отъ многихъ стѣснительныхъ, но общепринятыхъ обычаевъ. Любовь, говорятъ, слѣпа, и Н. Г. не замѣчалъ никакихъ недостатковъ О. С. Стали замѣчать, что Чернышевскій началъ часто говорить о необходимости любви для человѣка.

„Человѣкъ, не облагороженный любовью“, говорилъ онъ, „хуже всякой скотины. Онъ только прозябаетъ, онъ не живетъ полною жизнію, и чувства у него загрубѣли“.

¹⁾ У Духовникова—ошибочно указано: 25 лѣтъ. См. метрику.

Стихотворенія, которыя онъ любилъ всегда читать вполголоса, теперь выбирались для чтенія главнымъ образомъ изъ Кольцова. Съ тѣхъ поръ онъ часто сталъ посѣщать домъ Васильевыхъ, гдѣ было постоянное веселье.

Въ то время, когда молодежь веселилась до упаду, танцуя, или играя въ жмурки, фанты, веревочку и т. п., Николай Гавриловичъ сидѣлъ одинъ въ сторонѣ и молча, за что кавалеры его не долубивали. Иногда Ольга Сократовна подойдетъ къ нему, и скажетъ: „Что, курынь, носъ повѣсилъ?“ А то во время игры въ жмурки влѣзетъ съ завязанными глазами на колѣни къ нему и сидитъ.

Романъ Н. Г. развивался все болѣе и болѣе. Дѣло шло къ рѣшительному концу. Надъ этимъ концомъ, видимое дѣло, Николай Гавриловичъ долго думалъ. Въ моемъ распоряженіи есть свѣдѣнія, сохраненныя однимъ изъ пріятелей Чернышевскаго и подробно говорящія о женитьбѣ Николая Гавриловича.

„Приходитъ разъ ко мнѣ Н. Г.“, говоритъ этотъ пріятель, „сѣлъ и молчитъ. Закурилъ папироску—потомъ—другую, третью, и все молчитъ.

Я спрашиваю, что съ нимъ?—Не отвѣчаетъ и только все курить. Видно, его что-то сильно беспокоитъ. Я говорю съ нимъ, но отвѣта по-прежнему нѣтъ.

— „Одѣвайся“, наконецъ, говоритъ онъ мнѣ, „пойдемъ ко мнѣ“. Приходимъ къ нему въ мезонинъ; опять Н. Г. молча выкуриваетъ одну за другой нѣсколько папиросъ. Наконецъ, проговорилъ, что хочетъ жениться на Ольгѣ Сократовнѣ и желаетъ слышать мое мнѣніе объ этомъ. Я чистосердечно высказалъ ему, что хотя у О. С. и много поклонниковъ,—въ томъ числѣ и я,—жениться на ней ни въ какомъ случаѣ я бы не сталъ, при чемъ указалъ ему много причинъ и замѣтилъ о различіи ихъ характеровъ.

— „Противоположности лучше сходятся“, проговорилъ онъ мнѣ на это. „Я ѣду теперь въ С.-Петербургъ: мнѣ нужна жена, чтобы останавливала меня, а то я увлекаюсь разными теоріями. Съ ней же, какъ женщиной умной, могу посоветоваться, и она можетъ настоять, чтобы я не увлекался... Только одну умную дѣвушку я и встрѣтилъ. Такая жена, какъ Ольга Сократовна, спасетъ меня отъ многихъ бѣдъ и остановитъ отъ увлеченій“.

О своемъ намѣреніи жениться Н. Г. передалъ своимъ родителямъ. Тѣ, оказалось, тоже давно уже рѣшили женить сына и даже намѣтили ему невѣсту.

Въ Саратовѣ въ то время жилъ предсѣдатель гражданской палаты, Кобылинъ, у котораго дочь была невѣста. Кобылины, зная Николая Гавриловича, дававшего уроки ихъ сыну, же-

дали видѣть Н. Г. своимъ зятемъ и даже заискивали у Чернышевскихъ: мать Кобылиныхъ бывала у Евгеньи Егоровны даже тогда, когда послѣдняя перестала оплачивать ей визиты, ссылаясь на свое болѣзненное состояніе. Чернышевскіе очень хотѣли женить Н. Г. на дочери Кобылиныхъ, которая, по ихъ мнѣнію, была во всѣхъ отношеніяхъ хорошая невеста: и скромна, и красива, и съ хорошимъ приданымъ. Но Николаю Гавриловичу не нравилась эта „оранжерейная“ барышня,—онъ и слышать не хотѣлъ о женитьбѣ на ней.

Сынъ поразилъ родителей своимъ выборомъ. Ольга Сократовна рѣшительно не подходитъ къ сыну, думали родители: она—дочь лекаря, у котораго было много дѣтей и никакого состоянія; къ тому же и въ обществѣ она пользовалась репутаціей, какъ дѣвица бойкая, рѣзкая и отступающая отъ многихъ правилъ и обычаевъ тогдашней общественной жизни.

Между тѣмъ, Николай Гавриловичъ уже вышелъ изъ гимназіи и намѣревался ѣхать въ Петербургъ, для чего нужны были средства, а ихъ у Чернышевскаго не могло хватить на семейную жизнь, особенно съ такой свѣтской дѣвушкой, какой была Ольга Сократовна. Отецъ же Н. Г., жившій исключительно на небольшіе церковные доходы, не могъ содержать его въ Петербургѣ.

— „Я не запрещаю тебѣ жениться“, говорилъ сыну Гавриилъ Ивановичъ, „но нужно обдумать, чѣмъ жить, нужно содержать жену, а потомъ пойдутъ дѣти“.

Но всѣ доводы, которые приводили родители Н. Г., чтобы отклонить его отъ женитьбы на О. С., не привели ни къ чему. Н. Г. просилъ отца дать денегъ только на дорогу, а въ Петербургѣ онъ заработаетъ; относительно же Ольги Сократовны онъ рѣшительно сказалъ, что если онъ не женится на ней, то уже и никогда не женится. Тогда родители, противъ своего желанія, дали согласіе на женитьбу сына.

Объясненіе Н. Г.—ча съ О. С. было очень просто. Сдѣлавъ предложеніе (1853), онъ безапелляціонно проговорилъ: „Мнѣ нужна такая жена, какъ вы, а вамъ нуженъ такой мужъ, какъ я“. Ольга Сократовна ничего не могла возразить на это и согласилась на предложеніе, при чемъ взяла съ Н. Г. слово, что онъ выучится танцамъ. Николай Гавриловичъ свое слово исполнилъ. Какъ извѣстно, онъ выдѣлялся изъ среды молодежи тѣмъ, что не умѣлъ танцевать; въ послѣдствіи ему пришлось изучить эту премудрость. Вотъ рассказъ на эту тему одной изъ знакомыхъ Чернышевскихъ.

Въ 1852 г. у меня умеръ сынъ Никаноръ. Его товарищи-гимназисты часто меня посѣщали и утѣшали, при чемъ высказывали со-

жалѣніе, что, со смертію Никанора, у насъ прекратились танцевальные вечера, и потому имъ не у кого учиться танцевать (въ Саратовѣ тогда не было ни одного учителя танцевъ). Слушала я постоянно эти жалобы, и мнѣ стало ихъ жаль: вижу, гимназистамъ очень хочется выучиться танцамъ. „Хорошо“, говорю, „я выучу васъ танцевать“. Не вѣрятъ: „Какъ же такъ? Вѣдь, вы постоянно въ слезахъ по сынѣ!“ Отвѣчаю имъ: „Я сказала, и сдѣлаю; вѣдь, я буду учить, а не веселиться. Вы—друзья моего милаго Никанора; на васъ я буду смотрѣть и учить васъ все равно, что Никанора“. Начались уроки. Услыхали и другіе объ этомъ, — стала я и ихъ учить, приходилъ и Николай Гавриловичъ. Я слышала, что Ольга Сократовна только въ томъ случаѣ выйдетъ за него замужъ, если онъ выучится танцевать. Хотя и неохотно, Н. Г. выучился танцевать всѣ танцы.

Я не брала никакой платы со своихъ учениковъ, но они дарили мнѣ что-нибудь на именины. Разъ вечеромъ, въ концѣ именинъ, пріѣхала Евгенія Егоровна поздравить меня со днемъ ангела. Свое позднее появленіе она объясняла тѣмъ, что ей обременительно быть при гостяхъ. Послѣ ея ухода, въ комнатѣ, подъ стуломъ, на которомъ сидѣла она, увидѣли кусокъ гясе. Вечеромъ же былъ и Н. Г., подарившій серебряную табакерку подъ чернью, съ надписью, изъ которой видно, что подарокъ—отъ него самого. Впослѣдствіи, когда онъ уѣзжалъ изъ Саратова, то подарилъ мнѣ цѣлый сундукъ книгъ, такъ какъ книги были мнѣ не нужны, то я и подарила ихъ въ Саратовскую семинарію; однѣ изъ нихъ были (большая часть) изданіями классиковъ, другія духовнаго содержанія, многія—на латинскомъ языкѣ. Отъ архіерея была мнѣ благодарность за пожертвованіе“.

Мать невѣсты, Анна Кирилловна, потребовала отъ жениха, чтобы тотъ написалъ ей, какъ онъ будетъ обращаться съ женой и какъ поведетъ семейную жизнь. Только тогда лишь, когда Николай Гавриловичъ письменно изложилъ свои взгляды на семейную жизнь, довольная написаннымъ, А. К. согласилась выдать за него свою дочь. Любящей матери, понятное дѣло, хотѣлось узнать, насколько умень будущій мужъ ея дочери.

А. А. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

